

ВТОРИЧНАЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ*

Вторичная аффиксация как эволюционный процесс ранее уже привлекал внимание исследователей (Очерки по исторической грамматике 1964; Рогожников 1966; Граудина, Ицкович, Катлинская 1976; Гарник 2002; Крючкова 2000, 2006, 2007). Это явление в основном рассматривалось в аспекте исторического словообразования, в связи с проблемами морфемообразования или вопросами словообразовательной вариантности и синонимии. Однако вторичная аффиксация, как это будет показано ниже, имеет и грамматический аспект, поскольку обусловлена глубинным процессом грамматикализации слов с целью формального выявления категориальных значений частей речи. На данное свойство вторичной суффиксации обратила внимание Ю.И. Гарник (Гарник 2002).

В соответствии с поставленной задачей – рассмотреть вторичную аффиксацию как средство грамматикализации, термин «**вторичная аффиксация**» в данной работе, в отличие от указанных выше исследований, понимается более широко. Речь идёт о присоединении к основе слова или в целом к слову грамматически маркированных словообразовательных аффиксов, утративших в данной позиции свою исходную словообразовательную функцию. В следующих словах производное и производящее слова не различаются лексическими значениями: *книга – книжка, дочь – дочка, тетрадь – тетрадка, лиса – лисица, нож – ножик; сестрин – сестринский, отцов – отцовский*. Аффиксация называется вторичной в силу того, что она всего лишь формально объективирует то значение, которое уже предполагалось в исходном слове, но было формально выражено недостаточно чётко или совсем не выражено. Поэтому термин **аффиксальная редупликация**, который использует О. Ю. Крючкова как синоним вторичной аффиксации, в данной работе не используется.

Приведенные выше примеры, как и многие другие, свидетельствуют о том, что вторичная аффиксация характерна для устной речи, и поэтому обнаруживается, прежде всего, в разговорной, просторечной и диалектной лексике. О.Ю. Крючкова отмечает, что вторичная аффиксация – это коммуникативно обусловленный потенциальный процесс, он тесно взаимодействует с контекстом и связан с общей тенденцией к экспрессивно-

* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-04-00-268а).

сти устной речи (Крючкова 2006: 19-21). Однако автор не выходит за рамки словообразовательной проблематики и не делает вывода об участии вторичной аффиксации в процессе грамматикализации. О словообразовательном характере вторичной аффиксации писала также Р.П. Рогожникова, хотя она и подчеркивала десемантизированный характер аффиксов этого типа (Рогожникова 1966: 106-112). Вслед за другими исследователями (М.В. Ломоносовым, Ф.И. Буслаевым, К. С. Аксаковым, В.В. Виноградовым, А.А. Дементьевым) автор отмечает, что «процесс десемантизации уменьшительно-ласкательных суффиксов происходил уже в древнерусском языке» (Рогожникова 1966: 107). Вместе с тем она обращала основное внимание на функционально-стилистические различия исходного и вторичного слова. Действительно, тенденция к стилистической дифференциации намечается в литературном языке в сфере письменной речи, на которую и опиралась исследовательница. В «Русской грамматике» подобные образования называются «существительными стилистической модификации» (Русская грамматика 1980: 216-218). Однако в устной речи таких различий обычно не существует, что будет показано ниже. И нам представляется важным обратить внимание именно на процесс грамматикализации, который наблюдается при вторичной аффиксации.

Далее рассматривается в аспекте грамматикализации вторичная аффиксация словоформ имени существительного на материале «Словаря вологодских говоров» первого, второго и десятого выпусков (СВГ). Материалы этих трёх выпусков словаря свидетельствуют, что слова с вторичной аффиксацией грамматического характера составляют довольно значительный пласт лексики вологодских говоров.

Наиболее активным в процессе вторичной суффиксации имён существительных в вологодских говорах является суффикс *-к(а)*, однако могут быть использованы и другие суффиксы: *-ин(а)*, *-инк(а)*, *-ј-*, *-ек-*, *-ец-*, *-ик-*, *-ник-*, *иц(а)*, *-ниц(а)*, *-ок-*, *як-*, *-ц(е)*, *-от(а)* и др. (см. ниже).

Данные суффиксы, присоединяясь к исходному слову, не изменяют его лексического и стилистического значений, то есть не являются словообразовательными. Они служат для объективации категориального значения предметности, которое выражается в исходных словах только парадигмой окончаний, но не находит структурного выражения в составе основы слова (*борода* → *бородка* 'окончание какой-либо сельскохозяйственной работы'; *жира* → *жирка* 'жизнь, время жизни'). Однако нередко суффикс присоединяется и к производному суффиксальному слову для актуализации в устной речи предметного значения (*залавок* → *залавочник* 'низкий кухонный стол'; *загибыш* → *загибышек* 'пирог с начинкой, имеющий вид полукруга' СВГ).

Существование в устной речи вторичной суффиксации как процесса грамматикализации основы имён существительных объясняется тем, что словообразовательные суффиксы имён существительных, как правило, являются кумулятивными по своему содержанию. В.А. Плуныян называет кумулятивными такие морфологические единицы, которые «в семантическом отношении не являются элементарными (т. е. содержат несколько различных «элементарных смыслов»)» (Плуныян 2003: 40). Субстантивные суффиксы выражают словообразовательное значение определённого словообразовательного типа и грамматическое значение части речи — предметность. В случае вторичной суффиксации словообразовательное значение утрачивается и остаётся только грамматическое значение предметности. Далее рассмотрены основные типы вторичной суффиксации существительных. Наиболее продуктивны в грамматической функции следующие суффиксы.

Суффикс -к(-а): *беседа* → *беседка* ‘вечернее будничное собрание молодёжи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют’; *божата* → *божатка* ‘тётка, сестра отца или матери’; *боровуха* → *боровушка* ‘белый гриб’; *борозда* → *бороздка* ‘полоса, линия, отличающаяся от общего фона’; см. также: *бляша* → *бляшка*; *вертуха* → *вертушка*; *вехоть* → *вехотка*; *вечёра* → *вечёрка*; *водонос* → *водоноскa*; *выгорода* → *выгородка* ‘; *вьюха* → *вьюшка*; *голень* → *голешка*; *головня* → *головешка*; *головьяха* → *головьяшка*; *голяш* → *голяшка*; *гречь* → * *гречка*; *грохот* → *грохотка*; *гулянье* → *гуляшка*; *дверина* → *дверинка* и др. пары слов.

Суффикс -к(-о): *белыш* → *белышко* ‘яичный белок’; *желтыш* → *желтышко* ‘яичный желток’; *божат* → *божатко* ‘крестный отец’; **зять* → *зятько*; **веретено* → *веретешко*.

Суффикс -ок-: *бачина* → *бачинок* ‘живот’; *боров* → *боровок* ‘ряд, полоса посаженного картофеля’; *вал* → *валок* ‘ряд скошенной травы, лежащей вдоль прокоса’; *верх/и* → *вершок* ‘сливки’; *выруб* → *вырубок* ‘площадь, на которой производилась рубка леса’; *гнёт* → *гнеток* ‘жердь, которую кладут поверх воя для удержания уложенных на нём снопов’; *гребень* → *гребешок*; см. также: *грядо* → *грядок*; *дрозд* → *дроздок*; *зарод* → *зародок*; *заутор* → *зауторок*; *зуб* → *зубок*; *сузём* → *сузёмок*.

Суффикс -ин(-а) / -овин(а) *бор* → *борина* ‘сборка, складка на одежде’; **бревно* → *бревнина*; *грудь* → *грудина*; **дверь* → *дверина*; **двор* → *дворина*; *дерево* → *деревина*; *дом* → *домовина* ‘гроб’; *вороба* → *воробина* ‘приспособление для сматывания пряжи’; см. также: *вечёра* → *вечерина*; *брунь* → *брунина*; **ветвь* → *ветвина*; *зуба* → *зубина*; **дратва* → *дратвина*; *дроб* → *дробины*; *жнитво* → *жнитвина*; *дочь* → *дочерина*.

Суффикс -/-и/-ов/-овь: **гармонь* → *гармония*; **дело* → *дельё*; *дежень* → *деженьё* ‘кушанье из толокна’; **еда* → *ежа*; *заболоть* → *забо-*

лотье 'место за болотом'; см. также: *завор* → *заворье*; *заговень* → **заговенье*; *замуж* (сущ.) → *замужье*; *запечь* → *запечье*; *запряга* → *запряжь*; *стан* → *становьё*; *стог* → *стожсьё*.

Суффикс -ник-: *гумно* → *геменник*; *дотыкало* → *дотыкальник* 'ткац. деталь ткацкого станка'; *загибенья* → *загибенник* 'пирог с начинкой, имеющий вид полукруга'; см. также: *загибенья* → *загибешник*; *батог* → *батожник* 'палка, кол'; *вицелой* → *вицелойник* 'густой кустарник'; см. также: *загибеха* → *загибешник*; *заклад* → *закладник*; *залавок* → *залавочник*; *запечь* → *запечник*; *заплот* → *заплотник*.

Менее продуктивны в функции вторичной грамматикализации другие многочисленные суффиксы, например: *-ек-* (*завёртыш* → *завёртышек* 'деревянный брусочек для запора дверей'; *загибыш* → *загибышек* 'пирог с начинкой, имеющий вид полукруга'); *-ец-* (*боркун* → *боркунец* 'бубенец'; *зуб* → *зубец* 'ткацк. крючок в бёрде, за который цеплялась нить'; *зыбун* → *зыбунец* 'трясина', *сущ* → *сущец* 'сушёная рыба'); *-ик-* (*бредень* → *бредник*) и многие другие суффиксы.

Таким образом, рассмотренный материал вторичной суффиксации имён существительных свидетельствует о широко распространённом процессе грамматикализации категориального значения предметности в устной речи, в частности в вологодских говорах. Широка распространения вторичной суффиксации, при которой остаются неизменными лексические значения слов, свидетельствует о том, что, как и для любого грамматического явления, для вторичной аффиксации существительных характерна потенциальность проявления, которая в устной речи не имеет ограничений, а в письменной речи литературного языка сдерживается нормой.

Опираясь на мысли о когнитивном разграничении лексической и грамматической систем языка Л. Талми, который писал, что «лексическая система репрезентирует концептуальное содержание, в то время как <...> грамматическая подсистема репрезентирует концептуальную структуру» (Талми 1999: 106), можно сделать следующий вывод. Вторичная предметная суффиксация существительных является специальным грамматическим средством выражения концептуальной структуры предметности, в отличие от лексических значений основ, которые выражают индивидуализированное содержание этого концепта, и в отличие от флексий, которые это значение выражают имплицитно, поскольку предназначены для выражения морфологических категорий рода, числа и падежа.

Литература

Гарник Ю.И. К образованию с суффиксом *-ик-* в псковских говорах (заметки при обработке материалов для ПОС) // Псковские говоры: синхрония и диахрония. Межвузовский сб. – Псков, 2002.

Граудина А. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. – М., 1976.

Крючкова О. Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. – М., 2000. – № 4.

Крючкова О. Ю. Коммуникативная обусловленность словообразовательных процессов // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (филология).

Крючкова О. Ю. Аффиксальная редупликация в диалектном словообразовании // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. Под ред. Е.Н. Шабровой. – СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительных и прилагательных / Под ред. В.В. Виноградова. – М., 1964.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. – М., 2003.

Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке. – М., 1966.

Русская грамматика. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. – М., 1980.

Словарь вологодских говоров. Вып. 1-12. / Ред. Т.Г. Паникарговская, Л.Ю. Зорина. – Вологда, 1983-2007. – СВГ